

ЕВГЕНИЙ ЩУРОВ

ЭТО НЕ СТРАШНО

Skleněný
mústek
2016

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PŠČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

©Все права автора охраняются законом об авторском праве.
Копирование, публикация и другое использование произведений
и их частей без согласия автора преследуется по закону.

© Евгений Щуров 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-094-8

*Разве иметь ошибочные идеалы хуже,
чем не иметь их совсем?*

Ф. Бегбедер

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда пошел четвертый месяц его, с Лыкиным, дежурств через день, по тридцать четыре часа, с четырнадцатичасовым перерывом на все про все, мир вокруг изменился. Потухли краски и оттенки жизни, эмоции куда-то исчезли, еда стала безвкусной, сон перестал давать утреннюю бодрость и, казалось, это – навсегда. Даже то, что «навсегда» – не вызывало эмоций: навсегда так навсегда, до смерти или пенсии. Часто дергалась голова, открывая глаза, вдруг, одно веко стало «западать» и его приходилось открывать руками. Мочиться стало трудновато или наоборот, еле добегал; а пару раз и не добегал... Шел сорок шестой год его жизни.

Несколько лет Иван Николаевич Турчин проработал врачом-терапевтом в провинциальной больнице небольшого южного города. В самом начале его трудовой деятельности было трудно: обилие писанины, обилие пациентов; помаленьку привык, сумел находить свободное время, даже на работе, иногда во вред работе, но, это издержки. Вечерком любил выпить сухого винца, иногда – пива, умеренно, не перегибая палку. Развелся, жил один. Старался побольше читать, следил за своей внешностью и был безумно влюблен в свою замужнюю коллегу, со взаимностью, но без видимых перспектив на семейную жизнь. Это обстоятельство частенько подрывало его внутреннее состояние безмятежности. Приходилось уходить от реальности при помощи упомянутых напитков. Курил Турчин немного. К еде относился без пристрастия, спорить не любил, вредным не был, с оппонентом соглашался, но если чувствовал свою правоту – все равно делал по-своему. От работы никогда не бежал, но и лишнего не искал. К больным от-

носился с искренним состраданием, но только во время общения. После работы – все немощи прочь из головы!

Неравнодушный врач всегда несчастен, в России, в любой другой стране, неважно. Но везде – по разным причинам. В России врач страдает от бессилия, в Европе – от всемогущества и заморочек Закона, юридического и этического плана. И вряд ли что изменится в мире больных и врачей в ближайшие века, если Господь дозволит нам столь долго впадать в грех. Все Человечество – это больные и врачи, и эти группы людей периодически перетекают одна в другую. Вот Лыкин и перешел из славной когорты врачей в категорию истинных больных. И дополнительная работа свалилась на плечи доктора сорокапятилетнего. Лыкину же только тридцать. Но Лыкин пива выпивает раз в десять больше. И с соленьюшкой рыбкой. А так – мужик неплохой! И курить периодически бросает, и до зарплаты в долг всегда дает... Но вот сразил его недуг неясной этиологии.

Отступление.

Самый дурацкий, якобы шуточный, вопрос представителя бесчисленной группы больных:

– А разве доктора болеют?..

Тупо, да?

Но не может же он, доктор Турчин Иван Николаевич, дежурить постоянно! Начались принудительные дежурства тех, кто всегда отвергал дежурства из принципа, от нежелания спать вне дома, по причине наличия несовершеннолетних детей и вообще – а мне надо? Заставить нельзя! Чувство долга? Оно у большинства врачей, медсестер и санитарок атрофировалось и, как рудимент цивилизации, рассосалось, отторглось. Какое-то чувство локтя сохранилось у друга, да нет, просто хорошего товарища, Константина Евгеньевича Шастина, заменившего на время больного Лыкина на дежурствах.

Вечер. Дежурство, сутки, воскресенье. Он лежит на продавленном диване, уперев взгляд в цветные пятна телика, не осмысливая происходящего. Его же мысли продолжают метаться по просторам виртуальной Вселенной, опережая друг друга в приоритетах, тут же забываются, рождаются новые, ничего в голове не откладывается.

В ординаторскую заглянула медсестра:

– Доктор, в двенадцатой бабке плохо, у окна, справа. Давление нормальное. Посмотрите.

Физическое страдание постороннего человека вызывает у него чувство досады, раздражение от потревоженного кислосладкого самопогружения: как прожить до зарплаты.

Входя в палату, он преобразается автоматически, это выработано с годами: на лице сочувственная озабоченность, быстрый собранный шаг, удавка на шее – фонендоскоп.

– Что случилось?

– Доктор, сердце...

– Что «сердце»?

– Болит. Все болит...

– Как болит? Давит, колет, режет, ноет?

– Все болит. Не знаю. Дышать тяжело, болит сердце...

– Сколько уже болит?

– Всю жизнь болит...

Выходя из палаты, на ходу бросает сестре:

– Сделай ей элзепам и анальгин.

В истории дописал в назначения амитриптилин, да побольше, да почаще.

Что происходит с нашими бабушками? В больнице как медом намазано! Тянутся в больницу осенью, зимой, как паломники в Мекку. Терапевтическое отделение – без ремонта несколько лет, вонь смеси мочи, старости и табака отбивает желание не только перекусить, даже дышать. К этому быстро привыкаешь, но выйдя из отделения и появившись в нем снова, остро чувствуешь этот запах геронтологии.

– Доктор, в тринадцатой у бабки Стасюк давление двести двадцать.

– Сейчас, подойду.

Восьмидесятилетняя бабка Стасюк – одна из «звезд» местной «терапии» на все времена! Поступила сегодня, с утра, «по скорой». Ложится в отделение практически ежемесячно! Примечательно, что после очередной выписки, она совершенно сознательно бросает принимать какие бы то ни было, назначенные лечащим врачом лекарства, кроме любимого, от всех болезней, корвалола, и ждет очередного гипертонического криза, чтобы на «скорой» же торжественно приехать в благословенное терапевтическое отделение! Нет нужды объяснять ей, что лекарства от давления больному нужно принимать постоянно, независимо от уровня давления. Стасюк дома упорно лекарств не пьет. Из всех препаратов, заслуживающих внимания, для Стасюк существует только эналаприл, который она потребляет уже лет десять и в невероятных количествах – по шесть и восемь десятиллиграммовых таблеток в день. Благо, препарат дешевый.

– Что случилось? Где болит? – Он уже не эмоционален, даже раздражения нет в его голосе.

– Ну, вот, опять, давление прыгает и голова кружится, все в стороны бросает, побилась уже вся, вона, где только синяков нет!

– А что пьете сейчас?

– Да то и пью, что ты мне давеча прописал...

– Как же, помню! И что, все равно давление не падает? А что участковый рекомендует?

– А что, участковый? Нет его сейчас у нас в селе, вот и глотаю горстями знам и, как его, «капоприл» или как его там, и ничего, все так же...

– Я же Вам все расписал, что же Вы моих рекомендаций не слушаете? Все лекарства, от давления, надо в вашем возрасте пить постоянно!

– Да дорого все, милый! Это ж полпенсии отдать надо.

– А жить-то еще хочется?

– Да надо бы еще пожить! – вздыхает Стасюк. – Вот бы голова не кружилась.

– А давайте мы Вам в мозг новые молоденькие сосуды

вошьем, без бляшек холестерина? Хотя, через год, вы их снова макаронами, картошкой да жирными куриными потрохами испортите. Бесплезно!

– Ну, Вы хоть покапайте меня; я, знаете, после десяти капельниц, прошлый раз, месяц себя хорошо чувствовала.

– И только корвалол и глотала... Ладно, ладно, Галина Моисеевна, придумаем что-нибудь.

– Уж покапай меня, милый!.. В долгу не останусь.

«Не останешься ты в долгу, уж знаю, не первый раз лежишь, мозги паришь», – думал доктор, плетясь в ординаторскую на свой продавленный диван. Вроде и надоели эти бабульки со своими хворями, жалобами, да без них вообще не прожить – подбрасывают на жизнь, подкармливают слегка: кто денежкой, кто курочкой, уточкой, мяском, яйцами, колбаской, сахаром и прочим съестным. А и то, к слову сказать, всегда дома коньячок с водочкой, вино разное, «самогоночка, на фруктах, чистейшая», конфеты шоколадные, мед килограммами! Вообще, лучше бы все это денежкой!.. А денежка, почему-то раз на раз не приходится: то густо, то пусто, рассчитать бюджет невозможно.

Ещё в советские времена, сердобольная медицина подсадила наш народ на жесткий фенотарбитал, основной компонент валокордина, корвалола, валосердина и прочих «сердечных» препаратов. Наши старики килограммами выпивают этот фенотарбитал! Раньше им эпилепсию лечили. Сейчас лечат все подряд. Вне России этот препарат без рецепта не купишь. Мы же плодим фенотарбитальных наркоманов, сознательно. Тоже, видимо, политика государства: трудно стало кормить армию пенсионеров. Инвалидам выдают бесплатно лекарства самые дешёвые, без учёта прогрессивных наработок медицины и фармакологии. Чтобы быстрее сбросить давление бюджетной нагрузки?

– Наташа! Поставь Стасюк «полярку», пусть порадуетя. Да амитриптилин не забудь. Я запишу.

– Только быстрее историю отдайте, записанную, мне в шесть смену сдавать, а то будете тянуть до последнего, знаю я Вас.

– Не ворчи, а то ещё кого подложу...

...Состояние Ивана Николаевича Турчина усугублялось. Утром четко выступали на первый план симптомы похмелья: тяжесть в голове, тошнота, слабость, неистребимое желание спать и пить много жидкости. Стали появляться подобиya суицидальных мыслей. Хотя алкоголь заскакивал в организм последний раз пару месяцев назад, на день рождения. Стало казаться, будто накануне – много и эффективно принимал этиловую составляющую всевозможных напитков: «Вчера выпил лишнего. Опять подрался с женой. Голова не хочет слушаться. Монотонно колотит мысль: как же дерьмово вокруг! Надо сходить за пивом. А времени еще мало. Идти пешком – далеко. Придется брать такси. Кружится голова при поворотах. Зачем вчера надрался? Опять наступил на грабли! От граблей болит голова. Тошнотворно звонит мобильник. Привет, Фридрих! Привези пива домой. Крепкого. И три литра сразу. И позвони вечером. Может оказаться мало. Где же жена? Ах, да! Она давно уехала и вышла замуж. Плевать на неё! Скоро будет пиво. Мир примет привычные очертания. Язык начнет слушаться мозга, можно будет осознанно общаться с самим собой хотя бы, раз никого нет рядом. Да и кому я нужен? Такой... А другим становиться неохота».

Так вела себя голова «с Большого Бодуна» тогда, давно, когда в больницах были лекарства, еще можно было достаточно эффективно лечить пациентов. Если чего-то, импортного, не хватало – на ухо родственникам – доставали сразу и никто из этого не кошмарил докторов! Попробуй сейчас узнай «страховая», что доктор Пупкин посоветовал приобрести для быстрого выздоровления какой-нибудь цераксон, для любимой тещи – штраф плюс полная оплата этого же самого цераксона из своего кошелька плюс большой пистон от начальства, а начальству – дефектурку, это у них так маленькое замечание называется. Дефектурки накапливаются, собираются в тучки, кучки, начинают нервировать, а там, глядишь, сняли, как не соответствующего. Все для больного! Пациент не должен умереть в больнице! Впрочем, мысль верна – терминальный больной должен скончаться дома, в своей постели, среди родных стен и родственников. У нас почему-то заведомо

умирающего больного, с четвертой клинической группой рака, раковой интоксикацией, силой тащат в стационар.

Вот! Сейчас голова мыслит уже не такими короткими фразами, и опыт появляется, и литературку почитываем, и по интернету лазим, а лекарств все меньше!

– Доктор, чем Вы меня лечите?

– Что есть – тем и лечим!

– А чего есть?

– Да ничего почти и нет, милейший.

– А как же я?

– На все Божья воля!

Двадцать первый век, век полетов в космос, на Марс, передовых военных технологий для изощренных мгновенных убийств одного и целых тысяч вражеских солдат; всяких компьютерных, генно-инженерных технологий, магнитно-резонансных томографов, эндоскопических операций, операций в условиях холодовой кардиоплегии, пересадок сердец, печени, легких, почек, яичек, ушей, грудей, пенисов, пластических операций и прочей хрени. В провинции разговор остается коротким:

– Доктор, чем же Вы меня лечите?

– Что есть – тем и лечим!

– А что есть?

– Да ничего почти и нет, уважаемый.

– Как же так?

– На все Божья воля! В храм ходите? Терпите. Тяжело в лечении...

– Легко в гробу??

– Сами сказали!..

Хорошие врачи встречаются и среди провинциальных, но те, в Центре, живут много лучше этих, провинциальных. Да и кто не хочет жить лучше и лучше! Нельзя оставаться в одном и том же состоянии на протяжении череды лет, это ниже «современного человеческого достоинства», тем боле, если этот человек – врач, а врач должен расти профессионально и, тем более, в смысле благосостояния. А как расти, если утром – настолько тяжело вставать,

что хочется послать все и всех подальше и спать, спать, спать.. А на работе – в свободную, выкроенную для себя, любимого, минутку, лечь на диван и спать, спать, спать... Депрессия! Синдром хронической усталости. Все равно, что будет, с кем будет, как будет. Неравнодушный врач, как хорек в зимнюю спячку, становится пассивным и равнодушным, хороший врач – посредственным, посредственный – вообще никаким, никем, диспетчером, настоящим ремесленником, в нехорошем смысле этого слова. Врачу в провинции некогда быть хорошим врачом: участковый на приеме обслуживает сорок – пятьдесят человек, ординатор в стационаре – тридцать. А главное, надо все записать! Посмотрел пациента – напиши, что-то сделал – напиши, а не сделал ничего, а надо было – напиши самым подробнейшим образом! Страховые компании рыщут по всем подразделениям отечественной агонирующей медицины, выискивая многочисленные огрехи замученных врачей. Врачи страховых компаний – сами бывшие врачи, только они настолько уже не могут работать в практической медицине, что капитулировали окончательно, согласились стать «шакалами минздрава», зашибать спокойную денюгу, разгребая говно наших поликлиник и стационаров, и перестали носить гордое – негордое, в наше время, звание врача, а стали просто «экспертами». Когда-то раньше только патанатомы считались «лучшими диагностами», непогрешимыми в последней инстанции, как Господь Бог, людьми самой спокойной специальности в медицине. Сейчас и их проверяют, то же высокомерное племя экспертов страховых компаний, тоже крайне спокойных и самодостаточных в своей непогрешимости. Руководящее звено, администрация, к ним не относятся – им есть что терять, среди них идет постоянная борьба за жизнь в номенклатуре, за хорошие бабки, за теплые местечки руководителей, они пилят свой местный бюджетик, оставшийся от Федерального Большого Бюджетного Дуба Больших Дядек, им как и нам – тяжело, они тоже потеют, болеют, не спят по ночам, страдают гипертонией, анорексией и булемией, когда и диареей, отрываются на домашних и подчиненных, ревут и депрессируют, да и в бутылочку заглядывают тайком. И становятся самыми на-

стоящими главнюками, в большинстве своем. И нет мира в сонме русских врачей! Где она, профессиональная корпоративность? Где сплоченность рядов современных эскулапов? Нет корпоративности, нет сплоченности; есть нездоровая треморная конкуренция, грязные инсинуации в коллективах разных уровней, чем выше уровень – тем гнуснее да изощреннее интриги.

Столкновение с неожиданностями сельской жизни – это как на говешку наступить! Впрочем, русская действительность – сплошь неожиданности и говешки. Если бы европеец или американец так часто сталкивались бы с неожиданностями и спокойно переживали их (ну, пусть даже с легким душевным трепетом, как то: вот ведь пришла зима – зараза, нежданно, в декабре) кем бы они стали? Правильно, русскими! Русский – не национальность, а состояние души.

Здорово было бы! Все население Земли, по духу – русские, только у некоторых языки разные и цвет кожи, и все сматериться могут, вот времена!.. Мечтатель ты, Турчин, и фантазер, похмельный!

Врачи на приеме и в стационарах судорожно меряют давление всем своим пациентам подряд, дабы изобразить, что они их обследуют. Долго, и с умным видом выслушивают шумы легких и тоны сердец, якобы по их легочным и сердечным шумам можно сказать что-то очень конкретное, определенное, доискаться, наконец, до причины болезни и лечить ее, мерзкую, лечить! А годков-то пациенту – за семьдесят, а у врача-то он был последний раз лет этак десять, а то и двадцать назад: «приезжали, давление мерили, а как же! А флюшку дык каждый год таскают делать!»! А врачей в селах в десять раз меньше, чем положено по нашим рас-сейским нормативам, да и самым молодым уж давно за тридцатник. Читаем ли мы что новое в медицине? А коров когда терапевту доить, акушерке гусей щипать, детей кормить и в школу отводить, в огороде-садике работать? Муж-то законный, после работы своей, физически и этилированно усталый, на отдыхе, храпит. Крыша подтекает? Ага! Кто полезет? Конечно рентгенолог, хозяин, а че, не мужик? О чем это вы – о новом в медицине? Знаем и

о новом, только это новое стоит в сто раз дороже эналаприла, стрептоцида, ципрофлоксацина и левомицетина, который, кстати, говорят, если втихушку мужу в водку подмешать – рвать будет за три метра, может и рефлекс условный приобретет, если не представится. А в наших провинциальных больницах лекарственные препараты, выпущенные три десятилетия назад и которые можно перечислить по пальцам рук, до сих пор сражаются с недугами под страшными заморскими названиями; нет компьютерных томографов, разве что один-два аппарата ультразвуковой диагностики на пятьдесят тысяч населения, один рваный тонометр на сорок человек в терапевтическом отделении с одним размером манжеты и на толстую, и на худую руку. Покупка медицинских халатов, ручек, бумаги, пластыря, клея – за свой счет, и много чего другого! Кто-то и денег бабкам дает на лекарства и свои лекарства им приносит...

Да! Зашибись! Агонирует медицина. Но пока останется хоть одна клинически мыслящая башка, в каждом отделении, не сетующая на мизерную зарплату, которую совершенно законно можно назвать подачкой или милостыней – будет наша горе-медицина агонировать еще Бог весть сколько времени! Качественно и эффективно лечить уже не будет... И здоровых уже нет – есть недообследованные.

Так пессимистично рассуждал Иван Николаевич Турчин, лежа на продавленном диване в ординаторской. Так много людей хотят, чтобы я жил, что хочется умереть!

Выскочила следующая мыслишка. Младшему сыну посвящается.

Откуда у тебя появится мудрость? Ты не читаешь книг, не смотришь хороших картин, не трудишься для заработка хотя бы на карманные расходы, не живешь по совести. Откуда у тебя самоуверенность? Да. Молодежь любой эпохи самоуверенна, но обычно иначе: конструктивно революционна – в лучшем случае, преступно анархична – в худшем, а ты – вызывающе пассивен. Кто же тебя будет кормить через несколько лет? Папа врач? Держи карман шире!

А мы стареем:
«Никуда не деться
От собственного детства!
Сами обхохочемся,
Окружающих смеша,
По дороге мочимся,
До толчка не добежав».

«До десяти лет себя не помню, после двадцати – стараюсь забыть», это немного перефразированный Бегбедер, стыдно; осталось в жизни десять золотых лет: тут и первая любовь, первая женщина, первая зарплата, первая подлость, никем не замеченная, принесшая дивиденды.

Насколько доктор не суверен, в отделении творится какая-то бесовщина: скажи запретную фразу – обязательно произойдет как всегда и как не надо. Общение врачей и среднего медперсонала или сводится к минимуму, или всегда произносятся одинаковые слова, как заклинания: не напомнит Наташа доктору, чтобы быстрее историю болезни написал, не будет над душой стоять – точно, к концу её смены «скорая» тяжеленького привезет. Вспомнит кто вскользь: что-то давно у нас Глюкина не лежала – ровно через час звонок из приемного: Глюкину привезли, придите посмотреть. Слова «давненько у нас никто не помирал» вообще под запретом; кто вдруг ляпнет – в один день «закон парных случаев»...

Вперед, на диван! Люблю я вас, воскресные дежурства! В будни толпы озабоченных сбитых с толку медработников среднего звена носятся взад-вперед исполняя распоряжения старших по званию. В воскресенье все по-другому. К инструментальным обследованиям готовить никого не надо, клинические анализы крови с утра кремешного не берут. Гладкие бутылочки с растворами для внутривенных капельных инъекций, как снаряды, уже заряжены, и ровными, красивыми, блестящими рядами теснятся на условно стерильных столиках, ожидая своей участи воткнуться иглой в склерозированную старостью вену и излиться в дряхлеющий организм, подпитав противоестественным образом живи-

тельной влагой. Сколько раз доктора говорили своей геронтологии: пейте жидкость через рот, полтора литра в день и больше, у кого нет противопоказаний. Все без толку! Двести – четыреста миллилитров, но через вену! Как же – лечение! Потерянное поколение больных! Пытались назначать капельное введение препаратов строго по показаниям: сколько было жалоб главному и в «страховую»! Отказались, только бы жалоб не было. Мы – сфера обслуживания. Бейте нас по головам всех и всем, чем попало! А насколько приятно врачу, с верхним образованием, чувствовать себя «сферой обслуживания»? Как продавец за прилавком продуктового магазина, рыбного, овощного, официант в ресторане и еще много каких фантазий на эту тему.

Любит Иван Николаевич воскресные дежурства! Коллеги завтра, с постными лицами, потянутся на работу, с тоской отгоняя мысли о целой рабочей неделе впереди. А ты, с утра понедельника, уже на работе проснулся, если не сдох, конечно! В воскресенье начальства нет, сестры расхлябаны, не шугаются от глаз всякого вида начальства, которое отдыхает, больные спокойнее, истерик заметно меньше – демонстрировать-то свою немощь некому, дежурные врачи стараются прятаться по своим ординаторским, а то и затаиться в реанимации, куда не пускают.

Воскресные дежурства чреватy другого рода неприятностями: наш народ как привык? Ну, заболело, а вдруг пройдет? А оно не проходит. Ну, еще подождем! А оно не проходит. Вечер уже, а дома-то уже страшновато оставаться и – куда? На прием к дежурным врачам! Вот вечером и начинается амбулаторный прием, почище, чем в поликлинике! До одиннадцати часов дежурные врачи со скрежетом зубным отфутболивают хроников, паникеров, депрессиков. И только после одиннадцати начинается настоящая ночная больничная жизнь: идет перемешивание отделенческих тружеников по половому и алкогольному признакам. Дежурство на Новый год – совершенно особый случай! Это действие, вкратце можно охарактеризовать как замедленное оказание экстренной медицинской помощи легкоранеными врачами и медсестрами.

Устал от работы, бедняга, перегорел! Но – другого ты, Иван Николаевич, делать не умеешь! Терпи!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дежурство было в разгаре, доктор лежал на своем продавленном диване, подкрадывался вечер. В дверь ординаторской постучали.

– Да! Войдите! – кричит док, не вставая со своего места.

В ординаторской оказываются средних лет женщина и мужчина, негромко спрашивают:

– Вы Иван Николаевич?

– Точно, – ответил Турчин, поднимаясь с дивана.

– Простите, что помешали отдохнуть.

– Ну, что Вы! Просто прилег, еще до завтрашнего вечера работать.

Было заметно, что посетителям неловко начать разговор, ради которого они пожаловали. Мужчина выглядит довольно импозантно, с холеным, добрым лицом, без тени заносчивости. Женщина весьма миловидна, стройна, невысока, на лице и шее мелкие морщинки выдают возраст: за пятьдесят. «На жалобщиков не похожи, так, может рублем одарят за попечение родственника», машинально подумал Турчин.

– Иван Николаевич, простите еще раз, – начал мужчина. – Мы насчет Миловановой, Екатерины Григорьевны, у Вас, в пятнадцатой лежит.

Доктор мгновенно вспомнил тихую, но полностью выжившую из ума, чистенькую бабулю, с постоянной формой фибрилляции предсердий. Бабка входила в ту категорию пациентов, которые практически не нуждаются в стационарном лечении, а только в адекватном домашнем уходе и наблюдении участкового терапевта.

– Вполне сохранный бабушка, давление нормальное, ритм нарушен уже очень давно, но его частота за рамки допустимых параметров не выходит, пациентка нуждается только в уходе, коррекции поведения и приеме сердечных гликозидов.

Мужчина и женщина немного помолчали, помялись, не зная, как продолжить разговор. Наконец, женщина начала:

– Видите ли, доктор, мы живем не здесь, достаточно дале-

ко, нам трудно часто посещать маму, а сиделки от нее отказываются. Месяц-два ее терпят, затем уходят, не выдерживают. В дом престарелых не берут, там столько формальностей и ужасная очередь!

– У нас просьба иного плана, – вступил в разговор мужчина.
– Меня зовут Виктор Петрович, жена – Анна Николаевна, извините, сразу не представились. Вопрос в том, сколько мама еще сможет прожить, только честно?

– Ну, знаете, дорогие мои, на все Божия воля! На сегодняшний момент я, например, не вижу причин в скорой смерти, нет никаких объективных медицинских предпосылок. Вот и говорю – на все воля Божия. Вообще христианин должен умирать дома...

– Мы можем забрать ее домой? – быстро спросила Анна Николаевна.

– Конечно! Рекомендации по лечению я дам, а дальше пусть участковый наблюдает, и психиатр.

Женщина и мужчина замолчали, переглянувшись. Виктор Петрович откашлялся.

– Можно мы присядем? – спросил он.

– Да, конечно, извините, что не предложил, присаживайтесь! Чай, кофе?

Анна Николаевна сглотнула слюну.

– Если можно, кофе. Мы Вас не отвлекаем?

– Что Вы! Не переживайте, вызовут – подождете здесь. Вы же о чем-то хотите со мной побеседовать?

– Да, Вы правы, – сказал сдавленным голосом мужчина.

– Ну, тогда сначала кофе! – Турчин вдруг оживился от странности ситуации и с нетерпением ждал ее развития, хотя и с некоторой опаской, слишком таинственно вели себя посетители.

Он включил общественный «Тефаль» и стал расставлять кофейные приборы. На столе появились сахар, кофе, Анна Николаевна достала из сумочки небольшую коробку шоколадных конфет.

В дверь заглянула Наталья.

– Ну, что, Иван Николаевич, где история Стасюк?

– Все, Нат, иду на пост и пишу при тебе.

– Мне же скоро смену сдавать, – заняла медсестра, закрывая дверь.

– Извините меня, хозяйничайте, – сказал Иван. – Мне кофе – две ложки, две сахара, я через пять минут буду. Извините.

По больничному коридору туда-сюда сновали бабушки-пациентки, или пансионерки, точнее будет, кто с родственниками, кто группами, парами, на посту – небольшая очередь за порцией измерения давления. Медсестра Наталья крутилась без передышки – конец смены, а документации – немерено, еще не готовой. Кто придумал в наших больницах такое количество журналов, тетрадей, листиков, книг учета? У медсестры отделения времени свободного практически нет: то процедуры, то писанина. Писанина отнимает, пожалуй, восемьдесят процентов рабочего времени. Бытует даже врачебная шутка: ребята, больные нам мешают – писать про них некогда. Компьютеров поставили, зачем, если все данные по три раза дублируются от руки?

«Чего же они там удумали?», размышлял Иван Николаевич, машинально дописывая историю болезни. Наталья стояла над душой, мысленно подгоняя врача.

– Все! Забирай! Ну, ты и вредная, мертвого достанешь. Как с тобой муж живет?

– Потому еще и живет, что вредная, так бы спился уже давно.

Иван Николаевич вернулся в ординаторскую, где стоял ароматный запах кофе. На столике дымились парком три небольшие кофейные чашечки.

– Как просили, две на две ложечки, – доложила Анна Николаевна.

– Спасибо!

Пока рассаживались, Виктор Петрович что-то проговаривал себе под нос, совсем неясно и тихонечко.

– Нас тут никто не может слышать? – спросил он, чуть громче.

– Не думаю, что провинциальная больница может представлять собой какой-либо промышленный или военный интерес.

Посетители юмора не оценили, оставаясь серьезными.

– Видите ли, уважаемый Иван Николаевич, дело наше настолько деликатного свойства, что не может быть рассмотрено под определенным мещанским углом зрения, и не нуждается в посторонних свидетелях.

– Говорите, я слушаю, – подбодрил Турчин.

Виктор Петрович излагал, глядя на Турчина, его супруга разглядывала свои ухоженные руки.

– Наша бабушка прожила долгую и достойную жизнь. Мы все ей безгранично благодарны, пытаемся создать ей максимально комфортные условия дома, но в последние год-два мы не чувствуем в ответ ни человеческой благодарности, ни теплоты, ни спокойствия. Она становится домашним деспотом, тираном, за ней нужен постоянный уход, даже не столько помощь в обслуживании себя, сколько зоркий глаз. Екатерина Григорьевна всех нас подозревает в подготовке каких-то козней против нее и сама начинает действовать, чтобы, якобы, опередить нас. Она создает нам в быту всевозможные трудности, мне даже не хочется говорить о них. Думаю, Вы меня понимаете! Мы также понимаем, что это органические изменения в головном мозге, которые невозможно устранить.

Виктор Петрович замолчал. Анна Николаевна произнесла, как выстрелила:

– Доктор, мы Вас очень хорошо отблагодарим, если бабушка не выйдет из больницы, поймите нас правильно! Нам невозможно уже оставлять ее дома одну, а о гостях мы и думать забыли. Помогите! – и уже тише добавила: – Десять тысяч долларов! Аванс – сразу!

И покраснела. Тут же румянец появился на лице Виктора Петровича. То ли воздействовал горячий кофе, то ли живая еще совесть подкинула адреналин в сосуды.

Иван Николаевич смотрел в пол и молчал. Странно, в голове бушевала пустота! Молчали и гости. Иван сделал глоток кофе, еще один, как бы растягивая время, и неожиданно буднично сказал:

– Я согласен.

Напряженные лица Виктора Петровича и Анны Николаевны расслабились, на них даже появилась легкая улыбка. Анна Николаевна тут же открыла сумочку и протянула Ивану Николаевичу толстенький пакет.

– Как только Вы позвоните нам, что уже все – мы привезем вторую половину. Конечно, на вскрытие ведь не будете посылать, возраст?

– Думаю, что нет, справку о смерти сам выпишу.

– Оставьте Ваш телефон, доктор, – попросила Анна Николаевна.

– Конечно! И Вы свой оставьте, я позвоню.

Гости поспешно поднялись из-за стола, поблагодарили за кофе и, как ни в чем не бывало, стали прощаться.

– Мы еще к бабушке зайдем. Здесь-то она тихо себя ведет?

– Соседки не жалуются. Ну, до встречи!

Иван пожал руку мужчине, приложился губами к дамским пальчикам. Левый карман халата приятно оттопыривался.

Деньги во все времена, в любом виде, имели наиболее приятательную форму: то были красочные бумажки, слитки серебра или золота, красивые раковины, жемчужины, бычьи головы. Для каждого отрезка исторического времени символом благополучия в основном служили денежные знаки, а не предметы обстановки. Деньги никогда не облегчали участь человека, но и не обременяли его своим количеством.

Иван Николаевич, не закрывая на ключ ординаторскую, достал из левого кармана пакет с деньгами. Пачка долларов хорошо пахла и была приятно толстенькой. Иван пересчитал: стодолларовых бумажек оказалось ровно двадцать, остальные – десятки и полтинники, и серии, и номера не повторялись. И помятость их была неодинаковой. Иван вытащил наугад одну бумажку и понес её в процедурный кабинет, включив кварцевую лампу. Слово «взятка» не засветилась. «А может, там и совсем другие методики?» – подумал индифферентно Иван и положил банкноту в карман.